

Содержание

Предисловие и благодарности · 7

Введение. Как перезапустить нынешний век · 9

Отсроченное завтра: латунная табличка Селдена и фрески Лоренцетти · 9; Великое экономическое разочарование и его симптомы · 12; Объяснение Великого экономического разочарования: поведение, обстоятельства и трансформация экономики · 18; Незавершенная революция · 21; Погашение нашего институционального долга · 25

ЧАСТЬ I. ЧТО ПОШЛО НЕ ТАК И ПОЧЕМУ?

1. Великое экономическое разочарование · 35

Пять симптомов Великого экономического разочарования · 37; «Золотой век» и «Великий раскол»: два объяснения Великого экономического разочарования · 55; Привычные объяснения. Некоторые сомнения · 63; Иное объяснение: нематериальные активы · 69; Долгосрочный рост нематериальных инвестиций — и его недавнее замедление · 86; Краткий итог · 91

2. Нынешний экономический кризис есть кризис в сфере нематериального · 92

Характерные черты нематериальной экономики · 93; Нематериальные активы и наше текущее состояние · 98; Краткий итог · 118

3. Нематериальный кризис: Институциональная неудача · 119

Институты и экономический рост · 122; Для чего нужны институты? · 126; Обстоятельства или этапы обмена · 127; Как институты поддерживают эти четыре обстоятельства обмена? · 131; То, что помогло попасть сюда, не поможет попасть туда. Институты и технические изменения · 144; Свойства институтов · 151; Спрос на институты со стороны нематериальной экономики · 163; Причина замедления? · 169; Краткий итог · 170

ЧАСТЬ II. «ПОЧИНКА» НАШЕЙ ИЗМЕНИВШЕЙСЯ ЭКОНОМИКИ

4. «Развитие науки и ремесел»: Реформирование государственного инвестирования и интеллекту- альной собственности · 175

Правительства и эффекты перелива · 176; Разработка лучшей
системы · 197; Краткий итог · 212

5. Финансовая архитектура: Финансы и денежно- кредитная политика в нематериально насыщенной экономике · 214

Долговое финансирование. Залоговая тирания · 217; Акционер-
ное финансирование: финансовый учет, стоимостное инвести-
рование и диверсификация · 226; Стоимостное управление
в эпоху эффектов перелива и синергизма · 230; Выбор денежно-
кредитной политики · 236; Последствия неадекватных финан-
совых институтов и предложения по реформированию · 255;
Краткий итог · 267

6. Лучшее функционирование крупных городов · 269

Рост значимости крупных городов и нематериальных акти-
вов · 273; Технократы против политиков · 284; Улучшение ин-
ститутов и более разумный политический процесс · 288; «Забы-
тые» территории · 297; Как ускорить «смерть расстояния» · 304;
Краткий итог · 309

7. Борьба с неэффективной конкуренцией · 311

Расхожее мнение о снижающейся конкуренции · 314; Воздей-
ствие нематериальных активов на конкуренцию между фирма-
ми · 318; Новые проблемы для конкуренции, обусловленные
нематериальными активами · 323; Институты для поддержа-
ния конкуренции в нематериальной экономике · 333; Немате-
риальные активы и «крысиные бега» · 338; Краткий итог · 351

Заключение. Перезапуск будущего · 352

Общий подход: проблемы выбора и конструирование институ-
тов · 357; Смягчение проблемы централизованного выбора · 366;
Политическая утряска · 375; Культура, доверие и когнитивная
нагрузка · 379; Краткий итог · 382

Литература · 385

Предисловие и благодарности

Эта книга обязана своим появлением тем содержательным беседам, которые состоялись после публикации в 2017 году книги «Капитализм без капитала. Подъем нематериальной экономики». Мы весьма признательны за проницательные и щедрые комментарии, которые нам предоставили Мартин Брасселл, Стивен Чеккетти, Тайлер Коуэн, Диана Койл, Крис Диллоу, Дэниэл Финкелстайн, Мартин Флеминг, Рана Форухар, Билл Гейтс, Джон Харрис, Констанс Хантер, Ричард Джонс, Джон Кей, Уильям Керр, Сол Клейн, Арнольд Клинг, Барух Лев, Юваль Левин, Эхсан Масуд, Джордж Моллоун, Атаман Озйилидирим, Роберт Пестон, Райхен Салам, Майкл Сондерс, Дэн Зихель, Дэвид Смит, Том Сатклифф, Барт ван Арк, Каллум Уильямс, Мартин Вулф и многие другие.

Мы благодарим — за то, что они нас постоянно вдохновляли, — наших соавторов: Сэма Боумена, Кэррол Коррадо, Дженис Эберли, Харальда Эдквиста, Питера Гудриджа, Массимиллиано Йоми, Чечилию Йона-Ласинио, Пола Майзена, Гэвина Уоллиса и Джайлса Уилкса. Мы благодарны нашим щедрым спонсорам: Ericsson, британскому Совету по экономическим и социальным исследованиям, McKinsey & Company, Программе по распространению инноваций, Институту производительности. Мы благодарны и нашим работодателям: Банку Англии, Министерству предпринимательства, энергетики

и промышленной стратегии, Имперскому колледжу и Королевскому статистическому обществу, которые как поддерживали наши начинания, так и снабдили нас бесчисленными практическими сведениями касательно проблематики, обсуждаемой в этой книге. Взгляды, представленные в нашей книге, принадлежат нам, а не им.

Публикация этой книги не была бы возможна без содействия и участия целого ряда лиц — среди них Брайан Андерсон, Азим Азхар, Алина Барнетт, Сандра Берник, Мэтт Клиффорд, Саймон Кокс, Дэн Дейвис, Нед Донован, Алекс Эдманс, Дэвид Эдмондс, Джон Финглтон, Том Форт, Марко Гарофало, Сэм Гима, Антон Хауз, Джонни Китсон, Марк Кояма, Алиса Лассман, Джейми Ленни, Пол Льюис, Джон Майерс, Рамана Нанда, Мартин О'Нил, Софи Питон, Петра Сарапаткова, Бен Саутвуд, Мэрилин Толле, Рейчел Вулф, Бен Йо и сотрудники издательства Princeton University Press — особенно Джош Дрейк и Ханна Пол. Отдельно благодарим Сью Хаскел и Стива Риголози, которые прочитали рукопись целиком.

Как всегда, мы благодарим Кирстен, Сью и наши семьи за нескончаемые любовь и поддержку. Мы с радостью посвящаем эту книгу нашим родителям: Стиан — Марит и Роберту, Джонатан — Кэрол и Саймону.

Введение

Как перезапустить нынешний век

Конец XX века сопровождался бурей оптимизма. Тогда надеялись, что новые технологии и новые подходы к ведению бизнеса вскоре предвостоят великие достижения на пути процветания в экономической и других сферах. Но реальность оказалась совершенно иной. Экономические показатели развитых стран за истекшие 20 лет стали сплошным разочарованием. Эта книга по-новому объясняет, что пошло не так, предлагая пути решения нынешних проблем и создания такой экономики, которая не только быстрее растет, но заодно справедливее и устойчивее.

ОТСРОЧЕННОЕ ЗАВТРА: ЛАТУННАЯ ТАБЛИЧКА СЕЛДЕНА И ФРЕСКИ ЛОРЕНЦЕТТИ

Бывает, что будущее, которое в ретроспективе представляется неизбежным, в свое время «балансиrowало на грани». Бывает и так, что будущее, которое представляется желательным и вероятным, не наступает вовсе. Об этом можно поразмышлять, рассматривая два старых предмета: латунную табличку на автомобиле и 700-летнюю живопись.

Возможно, что автомобиль более, чем любая другая технология, характеризует XX век. К добру или

худу, но он повлиял на наш образ жизни, нашу экономику, наши города и наш климат. Даже в самом начале того века люди смотрели на него как на эмблему будущего. Но если посмотреть на старые американские автомобили, выпущенные около 1900 года, обнаружится, что многие из них роднит необычная черта: латунная табличка, на которой утверждается, что этот автомобиль разработан человеком по имени Джордж Селден. Если читатель не встречал его имени в одном ряду с именами пионеров автомобилестроения Карла Бенца и Генри Форда, на то есть причина. Селден был не инженером, а патентным поверенным, и на тот момент он не произвел ни одного автомобиля. Но в 1879 году он оформил-таки патент, в сферу действия которого, по его утверждению, входили все бензиновые автомобили (патент США 549,160)¹. Он «выжал» из этого патента максимум, создав со временем для истребования лицензионных платежей с каждого проданного автомобиля картель из целого ряда других предприятий — предшественник «патентных троллей», которые сегодня приобретают невразумительные патенты и пользуются ими для выбивания денег из высокотехнологичных компаний. Казалось, что динамичная отрасль может пасть жертвой жадной организации. Несколькими годами позже Генри Форд оспорил патент, в итоге одержав победу после восьмилетнего разбирательства, а всё прочее осталось в истории. Но спор мог бы разрешиться иначе, столкнув американскую автоиндустрию на другой путь и заодно вообще повлияв на историю автомобиля. Латунная

1. Патент США 549,160 доступен онлайн: “Road-engine,” Google Patents, <https://patents.google.com/patent/US549160A/en>, дата просмотра 31 июля 2021 года.

табличка — это напоминание, что развитие автомобиля, по сути, не было неизбежностью.

Патентные войны не были ограничены автоиндустрией. Американская авиационная отрасль характеризовалась подобной патентной войной всего лишь несколько лет спустя и едва не потерпела крах. Голливуд синонимичен кинематографу отчасти потому, что первые кинематографисты переезжали в этот район, чтобы избежать правовых ограничений со стороны Motion Picture Patents Company Томаса Эдисона. Эти патентные войны иллюстрируют более общий урок истории: развитие многих новых технологий и их экономические последствия зависят от благоприятных установлений (rules), законов и институтов.

Латунные таблички Селдена напоминают о том, что экономика благополучно вышла из-под власти дурных установлений, которые чуть было не задержали развитие важной технологии в ее начальные дни. Но не всегда обществу так везет, и из-за плохих институтов материальный прогресс застопоривается. В городе Сиена многих притягивает ряд изумительных фресок кисти Амброджо Лоренцетти (он работал примерно в 1317–1348 годах), изображающих этот город таким, каким он был в XIV веке: с башнями и рынками в бледно-розовых и сиреневатых тонах, с изящно изображенными купцами, усердно торгующими на городских улицах, и со счастливыми гражданами в танце. Фрески называются «Последствия достойного правления для Сиены и ее края». Они находятся в Палаццо Пубблико, на стене палаты, где заседал городской совет, и напоминают, что достойное правление помогает экономике процветать. А где лучше изобразить их? В начале XIV века, должно быть, казалось, что Сиена и окружающие города

Северной Италии уже добились замечательных успехов в экономике. За счет поддержки торговли, финансов и инвестиций они начали вырываться из ловушки полуголодного существования, в которой веками находилась бóльшая часть Западной Европы. Но не успели высохнуть фрески, как экономический прилив начал сменяться отливом. Оказалось, что те институты, которые прежде помогали Сиене процветать, не соответствуют новой экономике. В Сиене, как и во многих других городах Северной Италии, началась стагнация, а затем и упадок. Фрески в Палаццо Пубблико служат грустным напоминанием о том, что было когда-то.

Опыт Сиены поднимает важный вопрос, которым мы займемся в главе 3: в каких институтах, нормах и стратегиях нуждается экономика, когда она растет и меняется?

ВЕЛИКОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗОЧАРОВАНИЕ И ЕГО СИМПТОМЫ

Когда мы сегодня думаем о состоянии экономики, трудно не задуматься о том, что *оно оказалось не таким, как ожидали*. Мир богаче, чем когда-либо, замечательные технологии преобразуют каждую грань нашей жизни, и все-таки представляется общеизвестным, что с точки зрения экономики *что-то неладно*.

В конце 1970-х годов в Великобритании это «что-то неладно» было столь очевидным, что ему дали название: Великобританию описывали как «болезненно-го человека Европы». Никто пока не придумал названия тем проблемам, с которыми экономики богатых стран сталкиваются сегодня, но в стране за страной мы видим пять симптомов: стагнацию, неравенство,

неэффективную конкуренцию, хрупкость (fragility) и неподлинность (inauthenticity). Эти симптомы примечательны не только потому, что они объективно нежелательны, но и потому, что все они труднообъяснимы, бросают вызов традиционным экономическим объяснениям или демонстрируют неожиданные парадоксы. Мы бегло познакомимся с ними здесь, а подробнее объясним их в главе 1.

Стагнация. На протяжении более чем десяти лет рост производительности был удручающе низок. В результате в богатых странах среднедушевой доход на 25% ниже того, которым они обладали бы, если бы темпы роста в XXI веке продолжали следовать прежней тенденции. Периоды низкого роста сами по себе не являются необычными, но наше нынешнее падение темпов и затяжное, и непонятное. Оно оказалось устойчивым к сверхнизким процентным ставкам и целому ряду нешаблонных попыток простимулировать экономику. И оно сосуществует с широко распространенным энтузиазмом касательно новых технологий и новых предприятий, которые их используют.

Неравенство. Как ни измеряй неравенство — в показателях богатства или доходов, — оно значительно увеличилось с 1980-х годов и сохраняется на стабильном уровне. Но сегодняшнее неравенство — не просто вопрос об имущих и неимущих. Пожалуй, оно осложняется тем, что можно было бы назвать *неравенством общественного признания* (inequality of esteem), — субъективно ощущаемым расколом между элитами с высоким статусом и людьми с низким статусом, «забытыми» из-за культурных и социальных перемен. Хотя существует некоторая корреляция между общественным признанием и материальным достатком, она не является совершенной. Многие

люди, которые чувствуют себя «забытыми» в современном мире, — это пенсионеры с ощутимыми активами, в то время как либеральная элита включает в себя множество безденежных вузовских выпускников, обремененных долгами.

Неэффективная конкуренция. По-видимому, источник жизненных сил рыночных экономик, конкуренция, не работает сейчас так, как надо бы. Позиции успешных фирм, видимо, неплохо защищены. Предприятия стоимостью свыше триллиона долларов, такие как Amazon и Google, последовательно опережают аутсайдеров, получая заоблачные прибыли. Новые предприятия создаются в меньшем числе, а люди реже меняют работодателей и переезжают, чтобы найти работу. Здесь мы также видим парадокс, поскольку многие люди жалуются на растущее ощущение того, что в экономической жизни идет иступленное, напрягающее и расточительное соревнование, при этом по-настоящему обеспеченным и даже богатым, по-видимому, приходится трудиться еще усерднее, чтобы сохранить свой уровень.

Хрупкость. Пандемия COVID-19 показала, что даже богатейшие экономики мира не защищены от естественных факторов. Действительно, ущерб, вызванный пандемией, связан со сложностью и развитостью экономики. Наши очень крупные и густонаселенные города, наши сложные международные цепочки поставок и беспримерная взаимосвязанность нашей глобальной экономики позволили вирусу-возбудителю «прыгать» из одной страны в другую и повысили издержки локдаунов, необходимых для его сдерживания. Даже 15 лет назад пандемическая вспышка в отдаленном районе Китая для богатого мира стала бы, самое большее, второстепенным новостным сообщением. Ныне, благодаря глобали-

зации, цепочкам поставок и интернету, мы, кажется, всё больше рискуем из-за простого взмаха крыльев бабочки на другом континенте.

Многие считают, что бедственные последствия пандемии COVID-19 предвещают о той разрухе, которую в грядущие годы вызовет изменение климата. Фактические последствия пандемии и ожидаемые последствия глобального потепления, если взять их вместе, иллюстрируют незащищенность экономики от крупных угроз экосистемного уровня. Обе проблемы роднит и другая черта: курьезное расхождение между осведомленностью о том, как их решать, и фактическим поведением. Страны от Тайваня до Таиланда показали, что надлежащие меры способны помочь снизить число ковидных смертей и объем экономического ущерба. Существуют также подробные и реалистичные планы декарбонизации экономики. Но разрыв между знанием и действием широк, и большинство стран, по-видимому, неспособно преодолеть его.

На хрупкость указывает и тот факт, что способность центральных банков гасить экономические шоки падает. Во время девяти американских рецессий в период до пандемии COVID-19 Федеральная резервная система снижала процентные ставки в среднем на 6,3 процентных пункта². В Великобритании такое снижение составило 5,5 процентных пунктов во время пяти доковидных рецессий³. Но с 2009 года средние процентные ставки центрального банка, установленные в США, Великобритании и континен-

2. Furman and Summers 2020.

3. Авторы не вполне последовательны, поскольку ниже, в главе 1, они упоминают *четыре* доковидных рецессии, которые учтены в их расчетах, а в главе 5 — снова пять. — Прим. пер.

тальной Европе, составляют, соответственно, 0,54, 0,48 и 0,36% (данные на апрель 2021 года). С точки зрения процентных ставок так называемое пространство маневра (policy space) центральных банков представляется крайне ограниченным.

Неподлинность. О последней досадной черте экономики XXI века экономисты не говорят, но в разговорах неспециалистов она смотрится угрожающе. Мы называем ее *неподлинностью* или *притворностью*: считается, что работникам и предприятиям не хватает твердости духа и подлинности, которые им следовало бы иметь и которые когда-то у них были. Рассмотрим критику «бредовых работ» (“bullshit jobs”) антропологом Дэвидом Гребером: «Благодаря какой-то странной алхимии, которую никто не может объяснить, количество профессиональных бумагомазак продолжает непреклонно расти», хотя при этом «безжалостные сокращения... оптимизация и повышение норм выработки неизменно приходится на тех людей, которые действительно что-то делают, перемещают, чинят и поддерживают в порядке»⁴.

Критика Гребера идет по стопам постмодернистов, таких как Жан Бодрийяр, который утверждал, что в современном мире преобладают «симулякры» — имитации и символы, которые, подобно Диснейленду, ведут новую, собственную жизнь, оторванную от исходной реальности⁵. Подобным образом консервативный комментатор Росс Даутет утверждал, что одна из характерных черт нынешнего упадка — преобладание имитации над самобытностью в культуре, СМИ и развлечениях. Современный мир, подвергаясь тщательному курированию, предстает как

4. Graeber 2018, xviii; Гребер 2020, 20.

5. Baudrillard 1994; Бодрийяр 2015.

ремикс и пересказ — в манере, не свойственной миру прошлого⁶.

Этот взгляд тоже находит общественный отклик. Промышленная обработка, как и представление о том, что правительствам⁷ следует больше ей помогать, пользуется неизменным успехом у избирателей. Возвращение в США рабочих мест обрабатывающих отраслей было одним из самых звучных предвыборных обещаний Дональда Трампа в 2016 году. Сменявшие друг друга британские власти обещали ответить на глобальный финансовый кризис «новыми отраслями, новыми работами» и «маршем производителей». Ни одно из этих обещаний не было выполнено, но сам факт, что такие обещания вообще были даны, отражает как популярность представления, что нам следует вернуться к «изготовлению вещей», так и подозрение, что современная экономическая деятельность в значительной мере так или иначе ненастоящая.

Экономические и общественные системы часто испытывали периоды тревожности. Но сосуществование перечисленных здесь пяти проблем особенно непонятно и парадоксально. Экономическая стагнация и прежде нас затрагивала. Но сегодня она сосуществует с низкими процентными ставками, высокими прибылями предприятий и широко распространенной уверенностью в том, что мы живем в эпоху ошеломляющего технического прогресса. Рост материального неравенства замедлился, но его последствия и осложнения — неравенство статуса, полити-

6. Douthat 2020.

7. Здесь и ниже «правительство» и «правительства» соответствуют government(s), однако речь может идти не только про исполнительную власть (правительство в собственном смысле слова). — *Прим. пер.*

ческая поляризация, географические расхождения, депрессивные местные сообщества и преждевременные смерти⁸ — продолжают нарастать. И, как мы обсуждаем в главе 7, конкуренция, по-видимому, снизилась: налицо меньшее число новых фирм и хронические разрывы между показателями работы ведущих и отстающих предприятий. Но трудовая жизнь и управленцев, и простых работников ощущается еще более иступленной, чем прежде.

В этой книге даются ответы на два ключевых вопроса: чем вызваны все эти симптомы и что мы можем с ними поделать?

ОБЪЯСНЕНИЕ ВЕЛИКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗОЧАРОВАНИЯ: ПОВЕДЕНИЕ, ОБСТОЯТЕЛЬСТВА И ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭКОНОМИКИ

Когда дела идут из рук вон плохо, редко случается нехватка теорий для объяснения. Как сказано в главе 1, объяснения Великого экономического разочарования в основном относятся к двум группам: одни теории винят образ действий, другие — обстоятельства.

В объяснениях, основанных на образе действий, считается, что мы смогли бы избежать наших проблем, если бы раньше действовали лучше. Левые критики утверждают, что нам следовало отказаться от неолиберализма за счет повышения налогов или ужесточения антимонопольного законодательства; правые критики винят упадок духа предпринимательства и оплакивают утраченную культуру «сози-

8. Case and Deaton 2020; Кейс и Дитон 2024.

дания». В обстоятельственных объяснениях важнее фатум. В некоторых из них утверждается, что наши сегодняшние проблемы — всего лишь выход на свет застарелых несовершенств: подходит время платить по счетам капитализма. В других считается, что стагнация есть неизбежное следствие прогресса (возможно, потому что прежние темпы роста зависели от технологического везения — например, от таких поменявших наш мир изобретений, как двигатель внутреннего сгорания, электрификация, телевидение и водопровод, — и нам просто не столь повезло с технологиями, доступными на сегодня). Некоторые обстоятельственные объяснения пессимистичны: в них считается, что последние два десятилетия — новая норма. Другие более оптимистичны: в них предсказывается улучшение в будущем, по мере того как мы будем находить способы делать новые технологии продуктивными.

Мы скептически к теориям, которые опираются на предположение, что человечество попросту стало хуже или что нам просто не благоволит провидение или же процесс великого раскрытия технологий. В этой книге предлагается альтернативное объяснение. Мы уверены, что экономика принципиально меняется — от материальной (главным образом) экономики к экономике, основанной на идеях, знаниях и отношениях с потребителями и коммерческими партнерами. К сожалению, институты, от которых экономика зависит, по большей части не успевают меняться. Проблемы, которые мы наблюдаем, — это болезненные симптомы экономики, зажатой между невозвратимым прошлым и тем будущим, достичь которого мы не можем.

Мы зафиксировали переход от (главным образом) материальной экономики к экономике, осно-

ванной на идеях, знаниях и отношениях, в нашей книге 2017 года «Капитализм без капитала». Там мы отметили переход к инвестированию в нематериальные активы — такие как программное обеспечение (ПО), данные, НИОКР, дизайнерские разработки, брендинг, профессиональное обучение и бизнес-процессы. Этот переход продолжается более сорока лет. Как мы показываем в этой новой книге, данное изменение само по себе объясняет некоторые особенности Великого экономического разочарования — от роста неравенства общественного признания до хронического разрыва между ведущими и отстающими фирмами.

Когда мы писали «Капитализм без капитала», нам стала известна совершенно неожиданная сторона версии нематериального капитала. По-видимому, примерно в период финансового кризиса⁹ долговременный рост нематериальных инвестиций начал замедляться. Это замедление было совершенно неожиданным. В конце концов, ранее нематериальные инвестиции десятилетиями уверенно росли. Нематериальные инвестиции (такие как ПО и НИОКР) и нематериальные выгоды от использования платформ, сетей и сильных брендов становились лишь важнее для предприятий. В то время нематериально насыщенные фирмы укрепляли свое доминирование на мировых фондовых рынках, а на микроуровне спрос на нематериальные инвестиции не показывал признаков сокращения. Первоначально мы предполагали, что замедление роста нематериаль-

9. Здесь и в последующем «финансовый кризис» и «глобальный финансовый кризис» означают известные события конца первого десятилетия текущего века, начало которым положил ипотечный кризис в США. — *Прим. пер.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru